

Нурадин ХАНАЛИЕВ

ИСЛАМ В ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНОЙ МАТРИЦЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В статье анализируются некоторые аспекты и особенности влияния исламского фундаментализма на социокультурную и политико-культурную системы народов национальных республик Северного Кавказа. Главное внимание уделяется установкам ваххабизма, которые играют заметную роль в изменении идейно-политических ориентаций и политического поведения отдельных категорий населения региона, а также в дестабилизации и нагнетании конфликтности.

The paper analyzes some aspects and features of the influence of Islamic fundamentalism on the socio-cultural, political and cultural systems of the peoples of the national republics of the North Caucasus. Special attention is focused on the aims of Wahhabism, which play a significant role in changing the ideological and political orientations and political behavior of certain categories of in population of the region, as well as in fomenting instability and conflicts.

Ключевые слова:

религия, ислам, исламизм, политический ислам, фундаментализм, ваххабизм; religion, Islam, Islamism, political Islam, fundamentalism, Wahhabism.

Использование религиозного фактора в мировой политике имеет достаточно давние традиции и приобретает особую актуальность в переломные периоды общественно-исторического развития. Как показывает исторический опыт, религия несет мощный идейный потенциал социальных, экономических, политических, этнонациональных, социокультурных противоречий и конфликтов. При определенных условиях религия может довольно легко принимать радикальные и экстремистские формы. Можно согласиться с Л.Н. Митрохиным, по мнению которого «те или иные конфликты, имеющие вполне прозаическое земное происхождение, религия способна возводить в ранг космических, от века бытийствующих столкновений, формулировать их в обобщенном, абсолютном виде, затрудняящем какой-либо компромисс»¹. Однако истоки этих противоречий и конфликтов следует искать не в сущности той или иной религии, а во внутренних социально-экономических, этнонациональных, трайбалистских, конфессиональных, социально-психологических, социокультурных, политических, геополитических и иных реальностях того или иного региона.

С данной точки зрения большой интерес представляет вопрос о влиянии так называемого политического ислама на социокультурные и политико-культурные реалии национальных республик Северного Кавказа. В предлагаемой вниманию читателя статье предпринята попытка выявить и проанализировать некоторые аспекты этой сложной и весьма актуальной для региона проблемы.

Исходным для предпринятого исследования служит тезис, согласно которому ислам играл и продолжает играть ключевую роль в жизни многих народов Кавказа, формировании и эволюции их духовного, социокультурного и политико-культурного облика. Как отмечает К.С. Гаджиев, «мировые религии в силу своей универсальности призваны стирать расовые, этнические, языковые, политические и иные различия между людьми и народами. При всем том существует определенная связь между религией и национальным самосознанием. Как показывает исторический опыт, тот или иной народ выбирает конкретное толкование вероисповедной системы

*ХАНАЛИЕВ
Нурадин
Умарпашаевич –
второй секретарь
МИД России
nur.han.mid@
gmail.com*

¹ Митрохин Л.Н. Религия и нация // Наука и религия, 1989, № 3, с. 3.

для обозначения своих отличий от соседних народов и государств»¹. Более того, во многих странах, в т.ч. в ряде национальных республик Российской Федерации, ислам стал одним из существенных составляющих национализма и инструментом борьбы за власть. В этом отношении особое значение имеет тот факт, что с вероисповедной точки зрения регион является частью так называемого мусульманского Севера, который, в свою очередь, составляет часть более обширного мусульманского мира. Поэтому не удивительно, что после распада СССР народы постсоветских национальных республик, в большинстве своем исповедующие ислам, стали проявлять растущий интерес к веяниям, исходящим из мусульманского мира.

Здесь необходимо учесть и тот факт, что Кавказ является одним из звеньев так называемой исламской дуги нестабильности, простирающейся от Балкан до Кашмира. На всем ее протяжении наблюдается выдвигание на политическую авансцену разного рода возрожденческих и фундаменталистских движений, для которых характерна ярко выраженная политизация ислама. Это дало основание говорить о «политическом исламе», или «ислализме», оказывающем более или менее существенное влияние на общественно-политическую, социокультурную, политико-культурную сферы жизни вовлеченных в эти процессы стран и народов. Одной из важнейших установок этого радикального течения современного ислама является органическое слияние государства и религии. Его приверженцы рассматривают шариат в качестве источника власти (ал-хакимийя ал-исламиийя). Они руководствуются лозунгом: «Бог — наша цель, Пророк — наш руководитель, Коран — наша конституция, джихад — наш путь, смерть во имя Бога — наше высшее стремление».

Здесь ислам используется как средство достижения конкретных политических целей, определяемых конкретными интересами политической борьбы. В данном смысле его следует рассматривать не столько как религию, сколько как своеобразную политическую идеологию. Об

этом открыто заявлял аятолла Хомейни, который утверждал: «...ислам является политико-религиозным учением, в котором политику дополняет богослужение, а богослужение дополняет политику». Такой тезис он обосновывал мыслью о том, что «в исламе больше политических предписаний, чем религиозных»².

Политический ислам служит собирательным названием для обозначения разного рода религиозно-политических течений, предлагающих собственные пути, формы и средства решения проблем, порожденных модернизацией, преодоления ее недостатков и негативных, по мнению его приверженцев, последствий. С точки зрения влияния на положение дел на Кавказе среди этих течений ключевое место занимает ваххабизм, который используется для обозначения разнородных исламских группировок, которые объединяет неприятие традиционного ислама и официального духовенства. Их правильнее было бы назвать фундаменталистами, поскольку все они выступают за «чистоту» веры путем возвращения к истокам, т.е. к учению, как оно понимается в Коране. Современный ваххабизм отнюдь не монолитен, в нем имеются умеренные и радикальные, фундаменталистские направления.

Главное предназначение политического ислама состоит, прежде всего, в завоевании господствующих позиций в самих мусульманских государствах. Но, как любая радикальная идеология, она склонна обретать силу и приверженцев на путях внешней экспансии. С этой точки зрения можно согласиться с теми исследователями, по мнению которых одной из главных целей большинства идеологов фундаментализма является создание такой государственно-политической системы, которая якобы существовала в период правления пророка Мухаммеда и первых четырех «праведных» халифов.

Не случайным представляется тот факт, что возрождение ислама в условиях распада СССР совпало с мощным подъемом национального самосознания народов. Стремительное падение доверия к коммунистической системе сопровождалось ростом интереса к исламу как к более естественной системе ценностных ориенти-

¹ Гаджиев К.С. Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа // Мировая экономика и международные отношения, 2010, № 2, с. 149.

² Изречения, афоризмы и наставления великого вождя исламской революции имама Хомейни (да упокоит Аллах его душу). — Тегеран, 1995, с. 17.

ров. Многие в постсоветском мусульманском пространстве, пытаясь найти опору для своего жизнеустройства и развития, связывали свои перспективы с миром, народами и культурами, исповедующими ислам. Зачастую ислам рассматривается в качестве некоей интегральной духовной составляющей этнических культур местных народов. Более того, многие исследователи считали, что в новых условиях ислам может оказаться влиятельной интегрирующей силой, способной воссоединить охваченные им этнические группы и нации.

Разумеется, религия выполняет интегративную и регулятивную функции, играющие существенную роль в достижении и сохранении единства и целостности общества, в блокировке и нейтрализации возникающих перед ним проблем. Именно такую роль играет ислам в большинстве мусульманских стран. Можно утверждать, что в ряде национальных республик именно ислам служил одним из немаловажных факторов, удержавших наиболее горячие головы у той черты, переход через которую был бы чреват для них непредсказуемыми негативными последствиями.

Вместе с тем нельзя отрицать и тот очевидный факт, что при определенных условиях религия может стимулировать противоречия и конфликты между не только приверженцами различных вероисповеданий, но и представителями различных течений в рамках одной и той же религии. Об этом свидетельствует тот факт, что на постсоветском пространстве исламские идеи использовались в борьбе за собственность и власть между различными этническими группами, региональными кланами, политическими партиями. Более того, некоторые группировки, именовавшие себя приверженцами ваххабизма и иных форм исламского фундаментализма, превратились в фактор, серьезно дестабилизировавший социальную и политическую ситуацию на Кавказе, особенно на Северном. При непосредственном участии многих из них разворачивалась внутриэлитная и межклановая борьба в Дагестане, Чечне и других национальных республиках региона. Некоторые из них не скрывали целей своих вдохновителей и спонсоров, суть которых заключается в вытеснении России с Северного Кавказа, создании на территории национальных

республик единого исламского государства, его расширению за счет других российских территорий.

Вызов ваххабизма как формы радикального политизированного ислама лежит в немалой степени в социально-экономической и политической плоскостях. Однако, как представляется, не менее значимым в рассматриваемом плане стал тот факт, что после крушения коммунистической идеологии после распада СССР многие народы, не в последнюю очередь народы Северного Кавказа, оказались в ситуации потери духовных и идеологических ориентиров, своего рода идеологического вакуума. Для многих дезориентированных людей этот вакуум практически сразу стал заполняться идеологией ислама. Здесь немаловажную роль сыграли основанные на критике очевидных для всех негативных явлений и процессов на Кавказе идеологические и политические ценности и установки ваххабитов, которые умело использовали в своих целях идеи братства и социальной справедливости, заложенные в исламе. Определенную часть молодежи привлекает простота, доступность идей, здоровый образ жизни, характерный для действительно верующих членов ваххабитских общин.

Немаловажным фактором, способствующим определенному росту симпатий к носителям фундаменталистских идей и принципов, являются часто практикуемые правоохранительными органами произвол и злоупотребление властью, коррупция, потакание организованной преступности и даже сращивание с ней. В этой связи не случайным представляется тот факт, что главными мишенями террористических актов на всем Северном Кавказе являются чиновники и представители правоохранительных органов.

В то же время анализ реального положения в регионе дает основание для вывода о чрезмерном преувеличении рассуждений тех авторов, по мнению которых на Северном Кавказе ислам сохранился не только как вероучение, но и как фактор, организующий сельскую общину, и часто — как структурная составляющая политической жизни. Естественно, конфессиональная принадлежность налагает отпечаток на отношение людей к происходящим вокруг них событиям, тем более в ситуациях, в которых они становятся непосредственными участниками этих событий.

Все же не совсем корректно говорить о преобладании в регионе некоего «исламского» способа или пути решения тех или иных жизненно важных проблем. Тем более, нет серьезных оснований говорить об архаизации общества, которая будто возрождает те пласты сознания, поведения, политической культуры, которые сформировались до начала модернизационных процессов. Представляется лишенным реальных оснований также тезис о переходе значительной части населения Северного Кавказа после многих лет господства советской идеологии из зоны российского культурного и политического влияния в зону ислама.

В целом, как представляется, при оценке реального места и роли ислама на Кавказе как с внутривнутриполитической, так и с геополитической точки зрения необходимо отказаться от ряда бытующих у нас крайних точек зрения на эту проблему. Во-первых, нельзя рассматривать ислам как исключительно негативный фактор в жизни северокавказских народов, якобы способствующий дестабилизации и стимулированию радикалистских, сепаратистских настроений и движений в регионе. Хотя следует признать, что некоторые фундаменталистские течения ислама действительно используются отдельными радикальными и экстремистскими группировками в своих сугубо политических целях. Во-вторых, не совсем корректно рассматривать ислам как исключительно культурно-конфессиональный, духовный феномен, не связанный с политической и ориентированный исключительно на мир, благосостояние и стабильность в обществе.

Следует учесть также тот отмечаемый многими специалистами факт, что так называемый народный ислам на Кавказе в действительности представляет собой довольно аморфный сплав общемусульманских духовных ценностей с местными языческим верованиями и культами, или же, проще говоря, он замешан на принципах и установках адата. Как отмечает Н.М. Емельянова, «доисламские верования оказывали и продолжают оказывать значительное влияние на образ жизни кабардинцев, под их влиянием кабардинский ислам принял своеобразную, отличную от существующих в других северокавказских регионах форму. В процессе становле-

ния ислама у кабардинцев выделяются несколько периодов»¹.

Эти и другие факты свидетельствуют о сложности и неоднозначности статуса, роли и значения ислама для судеб народов Северного Кавказа. Ислам в регионе отнюдь не монолитен. Можно говорить о так называемых локальных формах ислама, которые могут приобретать достаточно выраженную национальную окраску, что органично накладывается на болезненное ощущение территориальной этнопринадлежности. При этом важно учесть, что религия не всегда и не обязательно является основополагающим фактором осознания этнической принадлежности. Более того, зачастую она дает богатый материал для создания и закрепления в сознании людей образа врага. В этом плане ислам может быть использован и действительно используется как один из важных элементов национализма, как инструмент борьбы за власть. Об этом свидетельствует тот факт, что некоторыми национальными движениями ислам пытаются использовать как объединительную формулу в определении собственного пути развития.

Следует отметить и то, что нередко случаи, когда конфликты возникают между этносами, исповедующими одну и ту же религию. Это проявляется, в частности, в том, что так называемый официальный ислам с самого начала оказался расколотым по национальному признаку и разобращенным по «национальным квартирам» и потому, по сути дела, втянутым в межэтнические противоречия и конфликты. Причем расколы по национальному признаку имеют место не только между республиками, но и в пределах отдельных республик. Речь идет, например, о Дагестане, где духовное управление мусульман разделилось на ряд национальных общин.

Как представляется, при всех возможных здесь оговорках подавляющее большинство населения национальных республик Северного Кавказа в целом не приняло политический ислам в качестве системообразующей идеолого-политической конструкции. Сам факт возрождения интереса к вере нельзя рассматривать как уже определившуюся тенденцию к переустройству образа и уклада жизни,

¹ Емельянова Н.М. Мусульмане Кабарды. – М.: Граница, 1999, с. 5.

основанному на нормах ислама, а сам ислам — как фактор, определяющий форму политической самоорганизации народов. Например, в Дагестане даже в начале 1990-х гг. сами же исламские возрожденцы давали критические оценки динамики роста религиозного сознания среди широких слоев населения. Сторонники более активных темпов процесса религиозного возрождения указывали на то обстоятельство, что в этом важном деле проявляется пассивность как со стороны сторонников мусульманского ренессанса, так и со стороны самого населения.

Ограниченный объем статьи не позволяет привести в обоснование этого тезиса конкретные результаты множества социологических и политологических исследований. Здесь, как представляется, достаточно констатировать тот факт, что даже в Дагестане, где в настоящее время сосредоточено большинство общин исламистов, по имеющимся данным, им сочувствуют не более 5–10% жителей республики¹. Сознвая опасность ра-

¹ Ханбабаев К. Ислам и проблемы национальной безопасности в Южном федеральном округе // РИА «Дагестан», 05.09.2005.

дикальных версий политического ислама для социальной и политической стабильности национальных республик Северного Кавказа, да и национальной безопасности Российской Федерации в целом, тем не менее нельзя говорить о чуть ли не повальной исламизации или фундаментализации, тем более архаизации Северного Кавказа. К тому же неправомерно экстраполировать ситуацию с исламским фундаментализмом в Иране или влиянием ислама на политическую жизнь таких мусульманских стран, как Судан, Алжир, Саудовская Аравия и др., на мусульманские республики бывшего СССР.

Анализ реального положения вещей показывает, что во многих случаях возрождение интереса к традиционному исламу, а также ваххабизму и другим формам исламского фундаментализма носит формальный, атрибутивный характер. Можно согласиться с теми исследователями, по мнению которых религиозный фундаментализм нередко служит суррогатом идеологии и мифологии этнонациональной, культурной, конфессиональной или иной самоидентификации.